

Династия Даяо, весна седьмого года правления под девизом Цзянькан.

Коварный сановник Сюй Цы был обвинен группой чиновников.

Его обвинили в уничтожении верных слуг государства, использовании служебного положения в личных целях, сговоре с внешними врагами и попытке узурпации трона.

Император Юань пришел в ярость и лично возглавил обыск в резиденции канцлера, где было найдено несколько писем, в каждом из которых обсуждались важные государственные тайны царства Яо.

Занимавший высокий пост канцлера в возрасте всего сорока лет, Сюй Цы был брошен в тюрьму.

Осенью седьмого года правления под девизом Цзянькан император Юань издал указ, в котором, учитывая бывшие заслуги Сюй Цы перед государством, отменил смертную казнь, но не смог избежать наказания.

Всю семью Сюй, вплоть до девятого колена, обратили в военных рабов, а самого Сюй Цы сослали на границу с запретом возвращаться в столицу до конца жизни.

Из соседней камеры доносились ругательства: «Коварный негодяй», «Подлый сановник», «Греховное отродье», «Скот». Эти люди, знатные и влиятельные, оказались в тюрьме благодаря ему.

Когда заяц пойман, охотничьей собаке приходит конец.

Сюй Цы принял указ с горькой усмешкой.

Он взвалил на себя всю вину за устранение инакомыслящих ради императора Юаня, а теперь император, чтобы успокоить народный гнев, решительно пожертвовал им.

...

На дороге за городом Сюй Цы, с кандалами на руках и ногах, в грубой тюремной одежде, с опаской посмотрел на красивого мужчину, который на превосходном скакуне загородил ему дорогу.

Мужчине было около сорока лет, его мужественное лицо с резкими чертами было слегка нахмурено, губы сжаты, и он пристально смотрел на опустившегося Сюй Цы.

Роскошный пурпурный халат с серебряной отделкой подчеркивал его высокий и статный силуэт, делая его ослепительно ярким и внушительным.

Это был бывший наследный принц Ли Хаочэнь, которого император Юань и сам Сюй Цы совместно свергли с престола.

Ли Хаочэнь сошел с лошади и, с холодным выражением лица, быстро подошел. Его наступательная манера была настолько решительной, что даже двое конвоиров не осмелились вмешаться, отступив в сторону, чтобы дать им пространство.

Сюй Цы напрягся, инстинктивно сделав несколько шагов назад.

Он немного боялся его, ведь в прошлом он поступил слишком жестоко, и теперь опасался

мести Ли Хаочэня.

Атмосфера, исходившая от Ли Хаочэня, была настолько угрожающей, что казалось, он готов был его буквально съесть.

Увидев, что Сюй Цы отступает, Ли Хаочэнь стал еще холоднее. Его высокий силуэт быстро приблизился, и он схватил Сюй Цы за плечо.

— Это ли то самое всесилие и наслаждение жизнью, о котором ты говорил? Сюй Цы, ты действительно скатился на самое дно! Я же говорил тебе, что Четвертый принц, человек с глубокими замыслами, не оставит тебя в покое!

В его голосе звучала доля разочарования.

Да, он ошибся в людях, из страха и желания избавиться от Ли Хаочэня он всеми силами помогал казавшемуся мягким и учтивым Четвертому принцу, нынешнему императору Юаню, в его нападках и интригах.

После того как угроза была устранена, он с гордостью сказал Ли Хаочэню:

— Я попрошу императора оставить тебя в столице, чтобы ты мог видеть, как я обрету всесилие и наслажусь жизнью!

Теперь, спустя восемь лет, Ли Хаочэнь стал богатейшим купцом, а он оказался в тюрьме.

Как говорится, колесо фортуны вертится. Неужели он пришел специально, чтобы посмеяться над ним?

Сюй Цы попытался вырваться, но не смог освободиться от захвата Ли Хаочэня, поэтому смягчил голос:

— Тогда я был не прав перед тобой, но теперь ситуация в мире уже определилась. Я, коварный негодяй, оказался в таком положении, и тебе пора успокоиться.

Ли Хаочэнь посмотрел на покорный взгляд Сюй Цы, затем провел взглядом по его лицу.

Под растрепанными волосами Сюй Цы скрывалось лицо, которое даже щетина не могла сделать менее привлекательным.

— Я не злюсь на тебя, я лишь сожалею, что ты ошибся в людях и в итоге навредил самому себе, — сказал Ли Хаочэнь, проводя рукой по щеке Сюй Цы, которая из-за щетины стала слегка шероховатой. — Я думал, что твои чувства ко мне были такими же, как мои к тебе, но не знал, что ты так противился этому.

Вздыхнув, Ли Хаочэнь достал из-за пояса кожаный мешок, вытащил пробку и протянул его:

— Это твой любимый напиток, Белая Нефритовая Роса. Выпей, а затем я провожу тебя.

Сюй Цы взял напиток и выпил залпом, кандалы звякнули, и он понял, что Ли Хаочэнь пришел только для того, чтобы проводить его, и вновь позволил себе думать о Ли Хаочэне как о подлеце.

Сравнивая это с озлобленными лицами своей жены и детей, он почувствовал горечь. Они тоже когда-то пользовались его благосклонностью и наслаждались неслыханными почестями.

Теперь, оказавшись в беде, они только ругали его, жалея, что вообще знали его.

Он считал себя умным и проницательным, но на самом деле был слеп.

Белая Нефритовая Роса была сладкой и слегка острой, с нежным ароматом.

После выпитого Сюй Цы почувствовал, что его сердце немного освободилось, как будто алкоголь придал ему смелости.

Под воздействием алкоголя он сказал то, что раньше не хотел говорить:

— Я был негодяем, тогда я тоже виноват, я хотел использовать твоё влияние, чтобы продвинуться по службе, поэтому притворялся дружелюбным. Но в глубине души я не мог принять отношения между мужчинами... Появление Четвертого принца дало мне возможность сбежать.

— Ха, — горько усмехнулся Ли Хаочэнь. — Ты даже используешь слово «сбежать», значит, ты действительно ненавидел меня тогда. Но я никогда тебя не принуждал, почему же ты меня так ненавидел?

Сюй Цы хотел что-то сказать, но остановился. Оба они уже достигли сорока лет, большая часть жизни прошла, они пережили множество взлетов и падений, и Сюй Цы уже забыл, как именно он ненавидел Ли Хаочэня.

Теперь, спокойно размышляя, он понял, что Ли Хаочэнь, кроме того, что лишил его мужского достоинства, никогда не причинял ему вреда, наоборот, много помогал.

Семь лет правления Четвертого принца на троне принесли хаос в государственные дела, народ страдал.

Если бы тогда Ли Хаочэнь стал императором, мир, возможно, не был бы таким адским, и он сам не оказался бы в таком положении.

Все, что произошло, было результатом кармы.

Чем больше он говорил, тем сильнее становилось его раскаяние.

Солнце поднялось выше, Сюй Цы вытер капли пота со лба:

— Уже поздно, мне пора...

Но не успел договорить, как Ли Хаочэнь резко нахмурился. Многолетнее знакомство заставило его сердце сжаться, и он подумал: «Не может быть!»

Не успел он опомниться, как Ли Хаочэнь толкнул его, и они покатались в сторону. На том месте, где они только что стояли, воткнулось несколько стрел. Оба конвоира погибли под градом стрел.

С ветвей деревьев вдоль дороги прыгнули десятка замаскированных черных фигур, они скрывали свое присутствие в густых ветвях, что делало их практически незаметными.

Их одежда с темными узорами была хорошо знакома и ему, и Ли Хаочэню — это были тайные стражи, подчиняющиеся непосредственно императору.

Ли Хаочэнь выглядел серьезно. Он быстро посадил Сюй Цы на своего скакуна, ударил ногами, чтобы тот понесся вперед, но прежде чем лошадь успела сделать несколько шагов, в ее ногу вонзилась стрела. Лошадь заржала и упала.

Ли Хаочэнь быстро повернулся, чтобы прикрыть Сюй Цы своим телом, и они упали на землю.

— Брат, ты мастерски сыграл роль героя, спасающего красавицу.

Сюй Цы выглянул из-за Ли Хаочэня и увидел императора Юаня в черной одежде. Он появился словно из ниоткуда, с мягкой улыбкой на лице, в руках у него был лук, на который он уже накладывал новую стрелу.

Ту стрелу, что попала в ногу лошади, выпустил именно он.

Сюй Цы хотел было разразиться руганью, но вдруг замер, не в силах пошевелиться — Ли Хаочэнь нажал на его акупунктурную точку.

Ли Хаочэнь, защищая Сюй Цы, при падении с лошади повредил руку.

Он осторожно положил Сюй Цы в сторону, медленно сел, скрестив ноги:

— Ваше Величество, вы действительно постарались, чтобы заманить меня одного.

Император Юань улыбнулся еще мягче, его обычно спокойное лицо теперь выражало одержимость и злость:

— Чтобы выманить брата, мне пришлось изрядно постараться. Отец лишил тебя титула, но оставил тебе Теней в Изысканных Доспехах!

Ли Хаочэнь встряхнул пыль с одежды здоровой рукой:

— Твоя цель — я, отпусти Сюй Цы. Я ранен, мне не убежать.

— Брат, пока ты жив, я не могу быть спокоен, — натянул тетиву император Юань, указывая на него, с горящими глазами. — Лучше умри, и я отпущу его. Я теперь император, мои слова — закон, я не обману.

Сюй Цы отчаянно моргал Ли Хаочэню, умоляя не соглашаться на условия императора Юаня, но Ли Хаочэнь вдруг улыбнулся, его лицо с резкими чертами приблизилось, и он поцеловал уголок его губ.

Погладив его растрепанные волосы, Ли Хаочэнь в последний раз крепко обнял его здоровой рукой и прошептал на ухо:

— Он хочет убить меня, с тобой ничего не случится. Просто у меня больше не будет возможности увидеть тебя.

Прежде чем Сюй Цы успел почувствовать тепло от тела Ли Хаочэня, тот уже отпустил его.

— Хорошо!